

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-269-274

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ  
«РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И МЕДИЦИНА: ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ (1820–2020)»**

21–22 октября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «Русские писатели и медицина: двести лет вместе (1820–2020)». В ее работе приняли участие историки литературы и медицины. Исследователями из Германии, США и КНР, а также из самых разных регионов России, от Санкт-Петербурга до Благовещенска, — было прочитано более 40 докладов.

Со вступительным словом выступил председатель Оргкомитета С. А. Кибальник. Он рассказал о том, что материалы конференции, а также другие исследования по ее теме будут представлены на сайте: [litandmed.ru](http://litandmed.ru).

Утреннее пленарное заседание началось докладом С. А. Кибальника (Санкт-Петербург) «Поэтика медицины и ее аспекты». Существование какой-то особой «поэтики медицины» еще нуждается в обосновании. Открытым вопросом остается и то, в какой степени использование образов, относящихся к миру медицины, обладает в художественной литературе своей спецификой, а в какой оно подчиняется законам обычной поэтики. Предварительный ответ на все эти вопросы исследователь попытался дать на примере творчества А. П. Чехова. Именно Чехов, по его мнению, был первым из русских писателей, применительно к которому говорить о «поэтике медицины» появляются все основания. Наиболее полно и широко в творчестве Чехова были представлены следующие ее аспекты: медицинские рецепты как микротекст художественного текста и символический смысл так называемого фармакологического подтекста, автобиографический и биографический подтексты образов докторов и, наконец, различные формы интертекстуальности, связанные с их изображением.

В докладе В. Н. Захарова (Москва — Петрозаводск) «Кого, как и что лечит доктор Крупов в одноименной повести Герцена?» были проанализированы источники «медицинской» и литературной проблематики повести А. И. Герцена «Доктор Крупов» (1847). Были подробно рассмотрены ее литературные источники, жанровые аспекты и проблемы ее интерпретации в контексте решения темы безумия в русской и европейской литературе. Также в сфере внимания исследователя были отдельные вопросы преломления психиатрии в трактовке героя и автора повести: нужно ли лечить (и учить) «естественного человека», кто виноват в психических болезнях человека, как исцелить общество от безумия и сумасшествия?

В. А. Котельников (Санкт-Петербург) в докладе «Медицинская трагикомедия (случай

А. К. Толстого)» показал, что поэт обладал ярким талантом комической трансформации культурных, литературных и бытовых явлений. В таком виде «медицинская» тема представлена в его письмах к Н. В. Адлербергу. По мере того как умножались и усугублялись его болезни, Толстой находил новые способы смягчать свои страдания смехом в литературе и в жизни. С острым, но добродушным юмором рисует он фигуру своего лечащего врача А. И. Кривского в «Медицинских стихотворениях», в комическом виде изображает себя во время приступа астмы. В юмористических стихотворных и эпистолярных текстах поэта описаны случаи девиантного и патологического эротизма.

Н. Г. Михновец (Санкт-Петербург) рассмотрела медицинский аспект темы «Учение Дарвина в рецепции русских писателей (от Ф. М. Достоевского к В. Пелевину)». При этом она сфокусировала внимание на проблемном вопросе о полной зависимости человека от законов природы как новым акценте в освещении писателями темы болезни, на связи между болезнями героев и климатогеографическими факторами, на теме «вырождения» человека, заявленной в начале 1870-х годов, получившей заострение в драмах Чехова и сохранившей свою актуальность в прозе Пелевина.

Доклад О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «Константин Леонтьев как врач и пациент» был посвящен известному писателю и мыслителю и в то же время военному врачу в годы Крымской войны, а затем домашнему врачу в течение пяти лет после ее окончания. Речь шла о богатом отражении «медицинской» тематики в его беллетристике и мемуарно-автобиографической прозе, а также об использовании соответствующей образности в его историософских сочинениях. В докладе был впервые введен в научный оборот ряд неизвестных фактов биографии писателя — таких, как полученное им в 1876 году от Мещовской уездной врачебной управы разрешение на медицинскую практику и несостоявшееся поступление на место земского врача в том же уезде в 1877 году, т. е. в те годы, когда автор «Византизма и славянства», казалось бы, давно растался со своей «специальностью».

В докладе «„Больное дитя“: полемические контексты и поэтика одного стихотворения А. А. Блока» Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) обратилась к первоначальному этапу самоопределения русского литературного модернизма, который был отмечен стремлением, с одной стороны, провести демаркацию между «декадентством» и «символизмом», а с другой — освободиться от психопатологического

дискурса в оценке новых художественных явлений. Исследователем были рассмотрены полемика о «декадентах» и «символистах» в раннесимволистских изданиях, реакция на нее Блока, выразившаяся в ряде писем к З. Н. Гиппиус и в стихотворении «А. М. Добролюбов» (1903), в котором был репрезентирован образ одного из первых русских декадентов. Докладчица выделила опорные концепты созданного Блоком образа «больное дитя», выявила его источники, восходящие к полемике начала 1900-х годов и к корпусу статей З. Н. Гиппиус, а также ряд интертекстуальных связей. Прослеживая текстологическую историю стихотворения и факт его включения в первый том «Лирической трилогии», Грякалова пришла к выводу о том, что, идя «по следу» Добролюбова, Блок делал акцент на общности истоков (жизне)творческих исканий «декадентов» и «символистов», а сама фигура поэта-декадента «не от мира сего» оказалась включена в структуру блоковского мифа о пути современного художника.

Дневное пленарное заседание открылось докладом Д. Д. Николаева (Москва) «Доктор как отсутствующий персонаж в русской комической литературе начала XX века». В нем рассматривались два основных аспекта этой темы. С одной стороны, значимым является само по себе малое количество комических произведений, в которых в качестве одного из действующих лиц выступает врач. При этом в ряде рассказов «доктор» просто упоминается в тексте, но не появляется «на сцене». Если врач вводится в качестве персонажа, то часто это образ, помогающий в развитии сюжета, но не несущий в себе комических черт. В тандеме «пациент — доктор» преимущественно разрабатывался образ пациента.

В докладе Е. И. Колесниковой (Санкт-Петербург) «Ни в коем случае не конфликтуй с психиатрами (И. Бродский). Литературный быт ленинградских „шестидесятников“» как факт биографии, сыгравший трагическую роль в судьбе писателя Рида Грачева (1935–2004), было представлено его психическое заболевание, во многом спровоцированное невозможностью творческой реализации: его не печатали по цензурным соображениям. При жизни в свет вышла только одна книга «Где твой дом?» (1967), не соответствующая сложившейся репутации писателя.

К. Стариков (США) выступил с презентацией готовящегося к выходу сборника статей «The Russian Medical Humanities: Past, Present, and Future» (издательство «Rowman & Littlefield»). В нем описаны основные тенденции прошлого и настоящего в российском медицинском образовании, а также формы концептуализации болезни и здоровья российскими и американскими деятелями культуры, в том числе русскими писателями-врачами.

Директор ИД «Петрополис» Е. Г. Павлова (Санкт-Петербург) представила вышедшую в этом издательстве коллективную моногра-

фию «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры» (отв. ред. С. А. Кибальник; СПб., 2021). В подготовленной пятью авторами (С. А. Кибальником, О. А. Кузнецовой, Е. К. Мурениной, К. Н. Оевой и С. П. Оробием) книге показано, что многие из распространенных взглядов на Достоевского нуждаются в существенной коррекции с позиций современных научных представлений о его личности и творчестве. Вопреки популярным мифам о писателе, Достоевский — не «жестокый», а гуманный и светлый, катартический талант, не больной, а врач. И создавал свои произведения он не благодаря своим недугам, а вопреки им.

С. С. Шаулов (Москва) выступил с докладом «„Эпидемический“ текст современной массовой литературы: структура, контекст, традиция». Эпидемия как форма возможного конца цивилизации, по его словам, одна из самых популярных тем современной массовой беллетристики. Выступление было нацелено на выявление и анализ общих структурных особенностей «эпидемического текста» современной массовой литературы: ее сюжетных и характерологических шаблонов, постепенного перехода от изображения собственно эпидемии к социальной и психологической реальности «постэпидемического» мира, попыткам авторов «философски» углубить сюжет и т. д.

Первый день работы конференции завершился круглым столом «Писатель — пациент или врач?», который вели петербургский философ и писатель А. А. Грякалов, С. А. Кибальник, С. П. Оробий и С. С. Шаулов. Ответы на этот вопрос некоторые участники круглого стола: петербургские писатели Андрей Аствацатуров, Алексей Грякалов, Сергей Кибальнич, Александр Мелихов и Сергей Носов — дали не только в краткой, письменной, но и в устной, развернутой форме. Другие его участники: Евгений Водозазкин (Санкт-Петербург), Дмитрий Данилов (Москва), Анатолий Королев (Москва) — ограничились только первой из них. В обсуждении проблемы также приняли участие литературоведы Н. Ю. Грякалова, В. Н. Захаров, А. В. Кубасов и А. Д. Семкин.

Первое заседание первой секции, которое состоялось 22 октября, было посвящено Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому и Н. С. Лескову. Его открывал доклад В. С. Карташова (Москва) «Врачи Томского пехотного полка в жизни Пушкина и Достоевского». Врачи-однополчане сыграли важную роль в жизни известных русских писателей. Евстафий Петрович Рудыковский вылечил заболевшего А. С. Пушкина, а Григорий Павлович Маслович стал крестным отцом Ф. М. Достоевского. В 1820 году штаб-лекарь Рудыковский, сопровождавший генерала Н. Н. Раевского с семьей в поездке на Кавказ и в Крым, лечил в Екатеринославе заболевшего там Пушкина. Штаб-лекарь Маслович фигурирует в воспоминаниях А. М. Достоевского как дальний родственник семьи Достоевских. На

основании формулярных списков, хранящихся в архивах, исследователю удалось уточнить ряд биографических сведений о Рудыковском и Масловиче.

А. А. Скоропадская (Петрозаводск) в докладе «Медицинская латынь Ф. М. Достоевского» показала, что в произведениях и рабочих тетрадах писателя встречаются медицинские термины и выражения на латыни: названия болезней, терминологические вставки, афоризм, восходящий к изречению Гиппократ. Медицинская латынь в текстах Достоевского — не просто характерологическая деталь, индивидуализирующая речевой портрет героя или дополняющая картину социальной жизни. Это — один из культурных кодов, расширяющих этический и эстетический контекст, который отсылает к универсальному, вечному.

Д. В. Васильев (Санкт-Петербург) представил стендовый доклад «Функциональные особенности проявлений сферы бессознательного в духовном движении героя повести Достоевского „Хозяйка“». Он говорил об открытии Достоевским в этом произведении того, что внутренняя жизнь человека, его взаимоотношения с окружающим миром зачастую обусловлены стихийными импульсами, исходящими из его бессознательного начала. В докладе анализировались различные формы проявления этого начала в «Хозяйке».

Ми Сюян (КНР) в докладе «Доктор Крупов в арестантских палатах: Отражение идей Герцена в „Записках из Мертвого дома“ Достоевского» показал, что влияние Герцена в этой книге не только сказалось на ее мировоззренческой основе, но и выразилось в художественных деталях. Изображение в «Записках...» всеобщего безрассудства напоминает о психиатрическом трактате доктора Крупова в одноименной повести Герцена. Вопреки стремлению последнего объяснить всеобщее сумасшествие детерминизмом среды, Достоевский видит в нем проявление подавленной личности, продолжая тем самым свою борьбу с «теорией среды», начатую им еще в «Бедных людях».

В докладе Н. Борисовой (ФРГ) «О духовном лечении, сопряжении душ и заражении добром: Лев Толстой и парамедицина, или как американский гинеколог консультировала русского писателя» рассматривались связи Толстого с американским религиозно-сциентистским движением «Mind Cure». Толстой был знаком с активисткой этого движения, врачом-гинекологом Элис Банкер-Стокхам и читал ее работы. На примере рассказа «Фальшивый купон» показано, как толстовские представления о «заражении добром» соотносятся с представлениями лидеров «Mind Cure» об исцелении.

М. Н. Волвелкин (Воронеж) прочел доклад «„Эти доктора ничего не знают“: о болезни, боли и „других“ в рассказе „Три смерти“ и повести Л. Н. Толстого „Детство“», в котором были выявлены особенности отношения героев названных произведений к таким экзистенциальным категориям, как жизнь

и смерть, тело и душа. Исследовалась специфика коммуникации между больным и его окружением, а также особенности коммуникативного поведения героинь указанных произведений («тапан» и «барыни»).

Главный герой доклада С. И. Зенкевич (Санкт-Петербург) «Н. С. Лесков и медицина» начал свою литературную деятельность с публикации нескольких статей о полицейских врачах и общественной гигиене в медицинском журнале. Писателя и впоследствии интересовала подобная проблематика: вопросы народного здоровья, личность врача, инфекционные болезни, их распространение и осмысление, научные теории и их «массовое» восприятие. Выступавшая также рассмотрела диалог Лескова с лейб-медиком Л. Б. Вертенсоном, опубликовавшим его письма; при этом был затронут вопрос об этичности обнародования «медицинских» сведений.

Отдельное заседание было посвящено творчеству А. П. Чехова. Оно открылось докладом В. В. Кондратьевой (Таганрог) «Рассказ Чехова „Волк“: историко-медицинский и архетипический аспекты». Обе редакции этого раннего рассказа связаны с заболеваниями бешенством в России 1880-х годов. Однако «водобоязнь» оказывается в нем лишь поводом к рассмотрению человека, испытывающего страх. Писателя интересует не столько экзистенциальная, сколько психологическая сторона феномена страха, в воплощении которой принципиальную роль, по мнению исследователя, играет архетипическая составляющая образа волка.

А. С. Собенников (Санкт-Петербург) в докладе «Рассказ Чехова „Володя“ в психоаналитическом дискурсе» показал, что психологическое состояние героя характерно для завершающей стадии пубертатного периода (замкнутость, агрессивность, озлобленность, неуверенность в себе, вспыльчивость). Автор-медик ставит своему герою диагноз: невроз. Психологический анализ направлен на «бессознательное», на «вытесненное» в детстве и на «сексуальное». В «бессознательном» вскрывается семейное неблагополучие в раннем детстве героя, в «сексуальном» — завершение пубертатного периода. Чехов не был знаком с работами Фрейда и его последователей, но интуиция художника позволила ему подтвердить научную значимость психоанализа.

А. А. Степаненко (Южно-Сахалинск) выступила с докладом «О медицинской деятельности Чехова на острове Сахалин». Из подлинных впечатлений Чехова, нашедших воплощение в книге «Остров Сахалин», анализировались посещение Александровского лазарета, прием мальчика, описание больницы обстановки и разговоры с больными. Особое внимание было уделено XXIII главе книги, в которой Чехов характеризовал «болезненность и смертность сыльного населения».

Доклад О. В. Спачиль (Краснодар) был озаглавлен «Реалии медицины XIX века в книге Че-

хова „Остров Сахалин“». В нем был предложен историко-культурный комментарий к двум реалиям книги, восприятие и понимание которых сегодня затруднено: «классный фельдшер» и «морской канат для хирургического отделения».

Е. Н. Петухова (Санкт-Петербург) в докладе «Лермонтовская „родословная“ медицинских персонажей А. П. Чехова: преемственность и эволюция» проследила в чеховских «докторах» лермонтовскую литературную традицию. По ее мнению, созданный поэтом образ доктора Вернера под пером Чехова заметно трансформировался. Врач — особый тип разночинца, который Чехову, в отличие от Лермонтова, был хорошо известен. Писатель придал образам врачей и собственные черты, и обобщенные черты разночинца, сформированные другой, уже нелермонтовской эпохой. И создал новый тип героя — доктора, знакомого нам по чеховским произведениям.

А. В. Кубасов (Екатеринбург) прочитал доклад «Доктор Дорн и Макс Нордау: два взгляда на нервный XIX век». Концепция «нервного века», отметил исследователь, связана с периодом *fin de siècle* (Ч. Ломброзо, М. Нордау). Открыто отношение Чехова к этой концепции выражалось в письмах, скрыто — в художественных произведениях. Фамилия доктора Дорна рассматривалась как трансформация фамилии Нордау. Посредством этого образа писатель сформулировал свой взгляд на «нервный век» и связанные с ним утомление и «вырождение». Полемика Чехова с Нордау позволяет определить роль Дорна как скрытого трикстера.

В докладе Л. Е. Бушканец (Казань) и Н. Ф. Ивановой (Великий Новгород) «Автобиографические источники образа врача в рассказах Чехова „Цветы запоздалые“ и „Июнь“» было показано, что одним из прототипов образов Топоркова и Старцева является Г. А. Захарьин. В работе над ними Чехов использовал детали, связанные с принципами лечения известного врача, его биографией, манерой поведения и привычкой к крупным гонорарам. Традиционное восприятие рассказа как произведения о «нравственной деградации» героя слишком узко. В действительности это рассказ о выборе врачом своего пути, обусловленный собственными путями самоопределения писателя в молодости.

Доклад М. Миллер (США) назывался «Boring stories? The practice of narrative medicine in Chekhov». Как известно из воспоминаний Г. И. Россоломо, Чехов однажды написал, что если бы он преподавал будущим врачам, то «старался возможно глубже вовлечь свою аудиторию в область субъективных ощущений пациента», и это «студентам могло бы действительно пойти на пользу». Существенно, чтобы и пациенты умели рассказать о своем состоянии. Тем самым, сам того не ведая, Чехов предвосхитил современные учебные дисциплины «*medical humanities*» и «*narrative medicine*». В выступ-

лении анализировались такие произведения Чехова, как «Скучная история» и «Случай из практики».

Утреннее заседание второй секции, состоявшееся 22 октября, «Писатели „серебряного века“ и русского зарубежья» открылось докладом О. С. Крюковой (Москва) «Медицина и литература в жизни и творчестве „карийского доктора“ Владимира Кокосова». В нем были проанализированы рассказы и очерки В. Я. Кокосова (1845–1911), действие которых происходит в лазарете. Особое внимание было уделено образу «каторжного доктора» из «Рассказов о Карийской каторге» (1907). Рассматривалась также собственно медицинская деятельность Кокосова, выпускника Военно-медицинской академии, не оставившего медицинскую практику и общественно-медицинскую деятельность до конца жизни.

В докладе А. С. Александрова (Санкт-Петербург) «Медицинский дискурс в литературной критике начала XX века» речь шла о насыщении литературно-критического дискурса медицинской терминологией в откликах, рецензиях и обзорных статьях на литературные произведения конца XIX — начала XX века. На примерах из произведений К. И. Чуковского, А. А. Измайлова, К. И. Арабажина и В. Ф. Боцяновского были продемонстрированы основные триггеры, сделавшие медицинский дискурс частью критического анализа современной литературы.

Предметом доклада С. В. Кудрицкой (Москва) «Топос душевной болезни в творчестве Михаила Пантюхова и Александры Мирэ» было творчество двух малоизвестных авторов, страдавших от психических заболеваний: А. М. Моисеевой (Мирэ) (1874–1913) и М. И. Пантюхова (1880–1910). Подробно рассматривался роман Пантюхова «Тишина и старик» (1907), героиня которого попадает в психиатрическую лечебницу из-за клеветнических наветов на нее. Был также проведен анализ произведений Мирэ, в которых воплощена тема безумия.

В стендовом докладе А. Д. Петровой (Санкт-Петербург) «Пациент О. Э. Мандельштам» была предпринята попытка рассмотреть ассоциативные семантические поля Мандельштама с точки зрения их возможных невротических проявлений. Большое внимание уделялось лексическому полю, связанному со словом «хрупкость», передающим ощущение поэтом непрочности мироздания.

А. Д. Семкин (Санкт-Петербург) в докладе «„Ни одного врача не убил“: Медицинские работники в творчестве Михаила Зощенко» остановился на роли медицины в личной жизни писателя и выделил три варианта образа врача в его произведениях: негативный, позитивный и данный как своего рода обстоятельство жизни, в котором существует простодушный герой.

В докладе В. М. Димитриева (Санкт-Петербург) «Пути искусства и анестезии: Василий Яновский в поисках творческого метода»

было показано, как на становление творческого метода писателя младшего поколения русского зарубежья Василия Яновского (1906–1989) повлияли его медицинское образование и многолетняя врачебная практика. Особое внимание было уделено при этом не его художественным произведениям, а эссе «Пути искусства» (1960) и книге «Medicine, Science and Life» (1978). Философские и мистические идеи «трансреализма», легшие в основу эстетической теории в первом из них, в форме медицинской рефлексии продолжены во второй.

Дневное заседание второй секции, прошедшее 22 октября, называлось «Михаил Булгаков и другие». Оно открылось стендовым докладом М. А. Волчкевич (США — Москва) «„Чудесный доктор“: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе». Она показала, что этот образ претерпел изменения, которые отражают произошедшие в России исторические перемены. Свою полноту, сложность, неоднозначность он обрел в творчестве Чехова. Пьеса А. Н. Арбузова «Таня», напротив, посвящена «превращению» человека в советского «сверхчеловека». Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» вернул русскую литературу к традициям XIX века и возродил образ врача, у которого есть право на отказ от «служения» в мире, где «насилуют живую душу».

В докладе И. В. Головачевой (Санкт-Петербург) «Мозг Шарикова и биомедицинские дискурсы 1920-х годов» повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» была реинтерпретирована в свете теорий «дегенеративной наследственности», обусловивших облик и габитус булгаковского героя. Особое внимание исследователь сфокусировала на научном мировоззрении профессора. Она показала, что реконструкция наиболее вероятных научных источников, стимулировавших воображение писателя, весьма плодотворна при решении важнейших вопросов, стоящих перед интерпретатором данного текста.

В докладе М. П. Лепехина (Санкт-Петербург) «О творческой истории „Собачьего сердца“: главные герои и их прототипы» утверждалось, что почти все действующие лица повести списаны с конкретных личностей. Если реальными прототипами двух ее главных героев: Ф. Ф. Преображенского и И. А. Борментала — послужили сразу несколько реальных лиц, то ряд других персонажей (например, тип омолодившегося пожилого сладострастника) имеет одного конкретного прототипа.

В докладе Е. А. Яблокова (Москва) «В плену „звездной“ болезни: тема сифилиса в творчестве М. А. Булгакова» лозунговая тема была рассмотрена на материале трех произведений: романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», а также рассказа «Звездная сыпь». Проанализированы устойчивые мотивы, характерные для данной темы. Показано, что мотив сифилиса в булгаковском мире устойчиво связан со «звездными» коннотация-

ми и объединяет соматический, политический и «космический» дискурсы. Отмечены интертекстуальные параллели с произведениями других авторов — как предшественников Булгакова, так и его современников.

В стендовом докладе Е. Е. Бергер и М. С. Турской (Москва) «Художественная литература в медицинском образовании» было показано, что современное высшее медицинское образование включает не только естественнонаучные дисциплины, но и целый блок гуманитарных предметов: историю медицины, биоэтику, философию, отечественную историю. В западной университетской традиции этот комплекс носит название «Medical Humanities». Необходимость их изучения объясняется двойственностью медицины. С одной стороны, медицина — это наука о сложно устроенном биологическом объекте, с другой — результат его лечения зависит не только от знаний врача, но и от его взаимодействия с пациентом. Литературные произведения при таком подходе играют роль своего рода «case studies», которые демонстрируют студентам определенные модели поведения и помогают подготовиться к принятию непростых медицинских решений.

В докладе Н. А. Зайцева и В. Т. Чикобавы (Москва) «Врачи в русских эпиграммах XVII–XX веков» была рассмотрена специфика образа врача и средства его воплощения на материале русской эпиграммы XVII–XX веков. Будучи сатирическим жанром, эпиграмма чаще всего содержит отрицательную оценку адресата, обусловленную различными причинами. Однако были обнаружены и произведения, в которых доктор становится не объектом осмеяния, а положительным героем и/или проводником авторской иронии. Рассмотрены и эпиграммы, в которых медики изображаются нейтрально.

Заключительное заседание конференции, посвященное современной русской литературе, открылось докладом С. С. Бойко (Москва) «„Медицинская тема“ и жанровое разнообразие теоцентрической прозы: рассказ, житие, очерк, анекдот». В нем было показано, что в произведениях Л. Запариной («Матронушка»), В. Лялина («Нечаянная радость»), о. Александра Дьяченко («„Таксист“ и другие „хроники времен ковида...“») врачи и пациенты не противопоставлены. Недугам подвержены как те, так и другие, а исцелению и облегчению страданий способствует не только медицинская помощь, но и моральная поддержка, молитва. В прозе Запариной рассматривались жанровые традиции жития, в прозе Лялина — традиции рассказа, в произведениях о. Александра — очерка, анекдота.

И. А. Кравчук (Санкт-Петербург) в докладе «Диагноз как симптом: медицинский дискурс в романе Юрия Домбровского „Обезьяна приходит за своим черепом“» продемонстрировал, что отличительной особенностью данного романа становится подрыв различных жанровых конвенций и дискурсов. «Медикализация

реальности» в нем свидетельствует о распаде взаимосвязи между героем и его поступком, между словами и вещами; болезнь речи становится указанием на болезнь тела. Тем самым нозография оказывается одновременно и объектом, и инструментом «деконструкции». Подобная техника применяется писателем и в других произведениях («Леди Макбет», «Королевский рескрипт»).

О. И. Шапкина (Москва) в докладе «Образы медиков в сценарии Л. Улицкой „Чума, или ООИ в городе“» говорила о том, что публикация спустя годы после создания, уже во время нынешней пандемии, этого основанного на реальных событиях сценария, несомненно, способствовала более многогранному его восприятию. В сценарии представлен ряд образов медиков (микробиолога, врачей, медсестер), которые с честью выдержали «экзамен на гражданскую и врачебную зрелость» в чрезвычайной ситуации.

С докладом «Была ли русская литература готова к ковиду?» выступил С. П. Оробий (Благовещенск). По его мнению, «коронавирусный текст» русской литературы отнюдь не скуден: тут и стихи на злобу дня, и большие романы. Однако самым предпочтительным его жанром оказалась эссеистика, а именно «карантинный» цикл А. Гениса, соединивший в себе злобу дня, хронику и литературу в самой концентрированной ее форме. Мотивы, важные для «коронавирусного текста» в целом (дом, скука, путешествия, еда), подаются в этих очерках в типичной для этого жанра изобретательной манере.

Большинство докладов вызвали оживленную дискуссию. Возможно, через год будет проведена вторая Международная научная конференция «Русские писатели и медицина».

© С. А. Кибальник

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-274-281

#### МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БРЮСОВСКИЙ ПУШКИН. ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БОГОМОЛОВА. ПЕРВЫЕ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»\*

29–30 октября 2021 года на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова прошла Международная научная конференция «Брюсовский Пушкин. Памяти Николая Алексеевича Богомолова. Первые Богомоловские чтения». Организатором конференции выступила кафедра литературно-художественной критики и публицистики, которой более полувека руководил профессор Н. А. Богомолов.

Конференция проводилась в рамках гранта РФФИ КИАС № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина». Этот грант задумал и начал вести Н. А. Богомолов. Тема гранта отражает две важнейшие грани культурного мира Н. А. Богомолова: он был уникальным специалистом по литературе Серебряного века и прекрасным знатоком пушкинского творчества. Научная встреча была задумана как диалог ученых, «живущих» в двух веках русской культуры: Золотом и Серебряном.

В работе конференции приняли участие известные филологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Китая, Колумбии, США, Японии. Заседания проводились на платформе Zoom, что

дало возможность подключиться слушателям из разных городов России и из-за рубежа.

За два дня было заслушано 32 доклада, в которых был затронут широкий круг проблем, связанных с брюсовской рецепцией Пушкина и пушкинской эпохи. Тематика определила и структуру программы, состоявшей из нескольких тематических блоков. Деление на секции принципиально отсутствовало: все слушали всех.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась декан факультета журналистики Е. Л. Вартанова, отметившая выдающиеся научные заслуги Н. А. Богомолова, его высокий авторитет среди преподавателей и студентов факультета и поддержавшая идею кафедры сделать Богомоловские чтения традиционными и проводить их раз в два года. Е. Л. Вартанова указала и на символически дат: конференция памяти Н. А. Богомолова открылась в день рождения Я. Н. Захарова, декана факультета в 1965–2007 годах.

Приветственное слово произнесла и О. Л. Довгий, указав, что в тройном названии конференции стержневым является имя Н. А. Богомолова, ставшее центром притяжения для крупнейших филологов из разных стран мира. Участники смогли услышать живой голос Н. А. Богомолова: О. Л. Довгий включила в свою речь фрагмент его видеон-

\* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина».